

Посвящается Фióне

Предуведомление автора

Эта книга доказывает следующие десять истин:

1. Громила — это существо, которое вылезает на передний план и вырастает туда намертво.
2. Когда рак на горе все-таки свистнет, главное — не оглохнуть и не одуреть от неожиданности.
3. Всякую энергию можно обратить во зло, но без электроэнергии нам никак.
4. Когда непреодолимая сила наталкивается на непоколебимый объект, разражается семейный скандал.
5. Музыка не всегда умиротворяет душу.
6. Дом англичанина — его крепость.
7. В любом биологическом виде самки опаснее самцов.
8. Сияк не приходит один.
9. Космос — это последний рубеж, как, впрочем, и мусоросжигательный завод.
10. Чем лучше владеешь словом, тем больше это окупается.

Глава первая

Неприятности начались в тот день, когда Говард вернулся из школы и обнаружил, что в кухне сидит Громила. Именно так его окрестила Фифи — студентка, которая снимала у них мансарду и кормила детей полдником, если родителей не было дома. Когда Говард втолкнул Катастрофу в кухню и захлопнул дверь, первым делом он увидел Фифи — та ерзала на краешке стула и нервно теребила то свой полосатый шарф, то полосатые гетры.

— Наконец-то! — воскликнула она. — Тут к нам вломился чей-то Громила, не знаю, кто его подослал. Гляньте.

Она дернула подбородком, Говард посмотрел в ту сторону и обнаружил, что на стуле возле буфета сидит Громила, загромоздив длинными ножищами и массивными ботинками большую часть кухни.

Громила это умел. Голова у незваного гостя была крошечная, а ноги гигантские. Говард внимательно оглядел Громилу. Взгляд его пропутешествовал по выцветшим джинсам в обтяжку, на миг замер при виде ножа, которым Громила чистил грязные ногти на обширных ручищах, и наконец, миновав потертую кожаную куртку, добрался до маленькой круглой головы, теряющейся под потолком. Физиономия у Громилы оказалась глуповатая.

Настроение у Говарда и без того было паршивее некуда. А все Катастрофа виновата: она заставила Говарда встретить ее после школы, потому что он, сильный старший брат, обязан за ней присматривать, — так и заявила. Говард подошел к школе, как раз когда Катастрофа выбегала из ворот, а за ней по пятам гнались двадцать разъяренных маленьких девочек. Катастрофа верещала: «Вон мой старший брат, он сейчас вам задаст! Говард, бей их!» Говард понятия не имел, чем Катастрофа разозлила этих малявок, но сестру он знал как облупленную и догадывался — она наверняка натворила что-нибудь ужасное. Играть роль секретного оружия ему вовсе не улыбалось, но и подвести Катастрофу он не мог. Говард угрожающе завращал в воздухе сумкой, надеясь тем самым распугать девочек. Но их была целая толпа, да таких свирепых, что в конце концов завязалась настоящая потасовка. Мало того что эти девчонки лезли драться, они еще и обзывались вовсю, отчего у Говарда испортилось настроение. И вот он пришел домой, а в кухне сидит неизвестно чей Громила.

Говард плюхнул сумку прямо на кухонный стол. Громила и ухом не повел.

— Это кто? — поинтересовался Говард.

Фифи опять заерзала.

— Просто вошел и уселся, даже не представился, — объяснила она. — Утверждает, будто его прислал некто Арчер.

Для своих лет Говард был крупным. Однако и Громила тоже был крупным для своих лет, неизвестно, правда, каких. И к тому же с ножом. Говард приподнял сумку и снова шумно обрушил ее на стол.

— Ну так пусть убирается подобру-поздорову, — буркнул он.

Получилось не так грозно, как он надеялся. Тут в разговор встряла Катастрофа.

— Громила, пошел вон! Брысь! — завопила она. — Сумка Говарда обагрена кровью школьниц!

Громила, кажется, заинтересовался — отложил нож и оглядел сумку. Потом произнес густым глуповатым голосом:

— Нет никакой крови.

— А у нас нет знакомых по имени Арчер! — отрезал Говард.

Громила безмятежно ухмыльнулся.

— У папаши вашего есть, — сказал он и вновь принялся чистить ногти.

— От него воняет! — взвыла Катастрофа. — А ну, выставьте его вон! Я есть хочу!

От Громилы и впрямь пованивало — немножко бензином и отчасти тухлыми яйцами, причем стоило ему пошевелинуться, запах усиливался.

Говард и Фифи беспомощно переглянулись.

— Есть хочу! — завопила Катастрофа невыносимым голосом, благодаря которому и стяжала свое прозвище.

На самом деле ее звали Коринна, но стоило ей родиться и открыть рот, как ее тут же переименовали в Катастрофу.

Пронзительный вопль пронял даже Громилу. По его объемистой фигуре пробежало легкое содрогание, хотя головы оно и не достигло.

— Замолчала, — велел он.

— Еще чего! — уперлась Катастрофа. Громила повернул голову и уставился на нее глуповатыми круглыми глазками на туповатой физиономии. Похоже, такой ответ его изумил. Катастрофа взгляда не отвела, старательно набрала в грудь побольше воздуха, открыла рот и завопила. Папа всегда говорил, что легендарные вопли Катастрофы неизменно расчищали дорогу и освобождали место в поликлиниках и транспорте с тех пор, как ей исполнился месяц. Теперь, к восьми годам, Катастрофа полностью оправдывала свое прозвище.

Громила склонил головушку набок и миг-другой слушал — как будто даже одобрительно. Потом ухмыльнулся и повторил:

— А ну, замолчала.

И метнул в Катастрофу нож.

Во всяком случае, так всем показалось. Что-то молниеносно жикнуло мимо личика вопящей Катастрофы, она пригнулась и тотчас смолкла. Да, некий предмет определенно пролетел мимо нее и с громким «хрясь» воткнулся в сумку Говарда, по-прежнему лежавшую

на столе. А затем Громила преспокойно вернулся к чистке ногтей. Тем самым ножом.

Говард, Фифи и Катастрофа, вытаращив глаза, смотрели то на ручищи Громилы, то на прореху в Говардовой сумке. Катастрофе явно хотелось завопить снова, но она не решалась.

— К-как у него это получилось? — спросила Фифи. — Он ведь даже не шелохнулся!

Громила самодовольно произнес:

— Поняли, что дело серьезное?

— Какое такое дело? — удивился Говард.

— Буду сидеть, пока не получу должок, — ответил Громила. — Ей вон сказал уже, как пришел.

И уселся поудобнее, загромоздив ножищами почти всю кухню. Расселся основательно и надолго, как и обещал.

Поскольку вытурить Громилу за порог не получилось, Фифи с Говардом попытались накрыть на стол, обходя вокруг Громилы. Но и тут у них ничего не вышло. Громила занимал слишком много места. Им приходилось то и дело перелезать через его ноги. Громила не возражал, но и убирать ножищи с дороги тоже не думал.

— Вот пролью на вас горячий чай, будете знать! — сердито пробурчал Говард.

Громила ухмыльнулся:

— Лучше не пробуй.

— А еще, — продолжил Говард, — я могу споткнуться, и тогда получите в лицо бутербродом с ореховым маслом.

Громила крепко задумался, и Фифи поспешно вмешалась:

— Хотите чаю, Громила? Ну, то есть чаю в чашке. И бутерброд — съесть.

— Не против, — снизошел Громила. Потом основательно подумал и добавил: — Не дурак, ясно? С первого раза дотумкал.

Его слова так явно расходились с действительностью, что девочки, хотя и напуганные, минут пятнадцать валились друг на дружку от смеха. Говард сердито подтолкнул к Громиле чашку с чаем и бутерброд. Громила отложил нож и молча принял угощение. Хлюп — и чашка опустела. Бутерброд он слопал, не закрывая рта. Говард даже отвернулся.

— Что вы тут забыли? — гневно выпалил он. — Вы, случайно, адресом не ошиблись?

Громила кивнул, сглотнул остатки бутерброда и принялся ковырять ножом в зубах.

— Папаша ваш — Квентин Сайкс? — невнятно спросил он, не прекращая своего занятия. — Книжки пишет, то-се?

Говард кивнул. Сердце у него упало: наверно, папа написал про этого Арчера что-нибудь обидное. Такое бывало и раньше.

— Что натворил папа? — спросил он.

Громила мотнул головой в сторону Фифи: — Она вон уже в курсе. Сайкс тянет с платой.

Арчер требует свои две тыщи. Прислал меня.

Фифи и Катастрофе мигом стало не до смеха. — Две тысячи! — Фифи ахнула. — Сумму вы мне не называли!

— Да кто такой этот Арчер? — не унимался Говард.

Громила пожал могучими плечами:

— Окучивает эту часть города. Ваш папаша платит — все в ажуре. Нет проблем. — Он усмехнулся почти задушевно и слизнул с кончика ножа комочек хлебного мякиша, выковырянного из зубов. — Затянул с платой, и сразу — опа! — проблемы. Сразу я.

— Давайте позвоним в полицию! — предложила Катастрофа.

Громила улыбнулся еще шире и задушевнее. Взял нож за кончик и погрозил Катастрофе.

— Ой не надо, — гнусаво протянул он. — Ой не советую.

Все снова переглянулись. Даже Катастрофе показалось, что Громила говорит дело. Заметив, как они переглядываются, Громила протянул пустую чашку — мол, плесните-ка еще чайку.

— Хорошо у вас, — мирно заметил он. — Дом хороший. Культурно все.

— Да что вы говорите? — взвился Говард, пока Фифи наливала Громиле чаю. — А уж как хорошо, что папа не скоро придет! Это вам повезло! У него сегодня занятия в Политехническом колледже.

— Мне спешить некуда, — невозмутимо отозвался Громила.

— А наша мама знает про Арчера? — спросила у него Катастрофа.

— Без понятия, — ответил Громила.

Говарда этот вопрос тоже волновал. Он был уверен, что мама про Арчера не знает и очень расстроится, когда выяснит. Она и так

постоянно тревожилась, что они едва сводят концы с концами. Нет, надо срочно выставить Громилу за дверь, пока не пришла мама.

— Знаете что, — расхрабрился он, — а давайте пойдем в Политех, ну то есть в колледж? Отыщем папу, и вы с ним сами поговорите.

Головенка Громилы кивнула. Из-за чашки с чаем появилась недобрая улыбка от уха до уха.

— Вот ты и иди, — отозвался он. — Я посижу с малышкой. Манерам поучу.

— Я с ним не останусь! — воспротивилась Катастрофа.

— Закругляйся, и пойдем все вместе, — поторопила ее Фифи. — Так будет лучше, Говард.

— Устраивает? — спросил Говард Громилу. Громила задумался, царапая кончиком ножа по чашке. Заскрежетало так, что все передернулись. С кружки на потертые джинсы Громилы сеялось фаянсовое крошево и мелкие осколки. Не иначе, нож у Громилы был из какого-то необыкновенного материала, раз ему оказалось по силам резать фаянс и возвращаться к хозяину, точно бумеранг.

— Все пойдете, — наконец постановил Громила. — И чтоб держались у меня на глазах.

Он поставил исцарапанную кружку прямо на пол, дождался, пока Катастрофа доест и допьет, и только тогда поднялся.

Все невольно попятились. Громила оказался еще громаднее, чем они думали. Его стриженная макушка задевала потолок, и откуда-то оттуда, с высоты, свешивались длинные ручищи. Фифи и Катастрофа рядом с ним выглядели малюсенькими, а Говард, который успел привыкнуть к тому, что сравнился в росте с большинством взрослых, перед Громилой ощутил себя тощеньким и щупленьким. Он понял: сбежать от Громилы на улице не удастся. Придется как-то его обхитрить — ясно же, что Громила туп как пуп.

Фифи залихватски перемотала полосатый шарф на шею и нахлобучила полосатую шапочку. Потом взяла Катастрофу за руку и тоненьким, испуганным голосом сказала ей:

— Не бойся, я с тобой.

Громила ухмыльнулся и хладнокровно ухватил Катастрофу за другую руку. Катастрофа задергалась, пытаясь высвободиться. Впечатления на Громилу это не произвело, и тогда она пригрозила:

— Я тебя укушу!

— А я тебя тоже, — откликнулся Громила. — Подцепишь бешенство. И вся любовь.

— Он ведь и правда укусит! — пискнула Фифи. — Не дразни его, Катастрофа!

— Меня не раздражишь, — сообщил Громила. — Пока что никто не смог.

Судя по всему, он всерьез задумался над этим вопросом и обмозговывал его по дороге, пока Говард вел их через переулок к Верхней Парковой улице. Уже темнело, и голова Громилы терялась где-то вверху в вечерних сумерках. Сколько Говард ни вглядывался, над широкими кожаными плечами Громилы почти ничего не маячило.

— Прикинул, — донесся сверху задумчивый голос Громилы. — Вроде никогда толком не сердился. Интересно: если разозлюсь, что будет?

— О-о, я просто боюсь себе представить! — совсем слабеньким голоском ответила Фифи. — Говард, хочешь тоже держать меня за руку?

Говард думал было с негодованием отказаться, но вовремя смекнул, что Фифи напугана до полусмерти, как и он сам. Когда он взял Фифи за руку, чтобы подбодрить и утешить, выяснилось, что у обоих руки холодные и дрожат. Так, шеренгой, они и проделали весь короткий путь до Политехнического. Можно было бы срезать через парк, но Фифи всмотрелась в темноту за оградой, потом, вздрогнув, заглянула в Косой проезд, где сгущался мрак, и повела их кружным путем к главным воротам колледжа. Когда они наконец добрались до колледжа, в большинстве окон горел полосатый от жалюзи свет, да и площадка перед зданием, на которой копали котлован под фундамент нового корпуса, тоже была ярко освещена. Вокруг кишмя кишели люди: студенты торопились домой, строители рыли котлован экскаватором. Казалось бы, куда уже безопаснее. Но Громила по-прежнему крепко держал Катастрофу за руку, так что о безопасности и думать было нечего. Фифи с тоской глянула вслед нескольким знакомым, но позвать на помощь не осмелилась. Говард подергал ее за руку — он хотел намекнуть, что от Громилы можно удрать, когда они окажутся внутри. Подняться на лифте, спуститься по лестнице, дальше через запасной выход, потом опять на лифте, но уже другом, и затеряться в толпе. А потом позвонить в полицию.

Вчетвером они поднялись в вестибюль, густо усеянный бумажными стаканчиками. Говард нацелился было к лифту.

— Ишь какой умный, — сказал Громила. — Я ведь знаю, где вы живете.

Говард задрал голову и воззрился на Громилу. Там, в высоте, он увидел все ту же туповатую ухмылку, но на мгновение, прежде чем Говард успел присмотреться получше, ухмылка вдруг стала совсем не туповатой. Да что там, лицо у Громилы на миг сделалось вполне себе умное. Но когда Говард пригляделся пристальнее, то решил, что никакой это был не ум, а обычная вредность характера. Еще того не легче. Развернувшись, он повел всех прочь от лифтов, вверх по лестнице — к аудитории, где у папы в это время обычно шло занятие.

Папа был на месте. Он гремел так, что даже сквозь дверь можно было разобрать каждое слово:

— Да поймите же вы, барышня! Мне неинтересно знать, что думают структуралисты, я хочу узнать, что думаете вы!

Судя по всему, папа был занят. Говард хотел постучать в дверь, но Громила, у которого рука была куда длиннее, опередил его и распахнул дверь настежь. Внутри аудитории обнаружили студенты, они сидели в рядок на металлических стульях, вооруженные конспектами. Все они раздраженно обернулись. Не менее раздраженно обернулся и Квентин Сайкс, опиравшийся на спинку такого же металлического стула. Маленький, полноватый, папа едва доходил Громиле до подмышки, но был отнюдь не робкого десятка — это Говард знал точно. Папа раздраженно запустил руки в волосы, точнее, в остатки волос, взъерошил их и вперил пристальный взгляд в Громилу, испуганных Говарда и Фифи, а также сердито насупленную Катастрофу. Затем он повернулся к студентам и ровным голосом подытожил:

— Итак, пожалуй, сегодня на этом и закончим. А концепцию структуралистов рассмотрим на следующей неделе. Ну-ка, заходите, не устраивайте тут сквозняк. Думаю, мы попросим мисс Поттер подготовить к следующему занятию доклад, поскольку она у нас явно знаток структурализма.

Самая худенькая из студенток с самым толстым конспектом выпрямилась и всем своим видом выразила возмущение.

— А остальным, — продолжал папа, не давая ей вставить ни слова, — чтобы угнаться за мисс Поттер, советую прочитать следующие книги...

И он быстро-быстро принялся перечислять названия книг. Пока студенты, включая мисс Поттер, торопливо записывали, папа вновь смерил Громилу оценивающим взглядом.

— До встречи через неделю, — бросил он студентам.

Студенты тоже посмотрели на Громилу и сочли за лучшее как можно проворнее очистить помещение. Аудитория стремительно опустела, задержалась лишь разъяренная мисс Поттер.

— Мистер Сайкс, — произнесла она, — я вынуждена буду пожаловаться...

— На следующей неделе, мисс Поттер. Включите это в ваш доклад. Покажите мне, в чем я неправ.

Мисс Поттер, еще больше разъярившись, расправила плечи и промаршировала вон.

Хорошо бы папа так же легко выставил Громилу, понадеялся Говард.

— Итак, что это? — спросил папа, глядя на Громилу.

— Знакомься, пап, это Громила, — ответил Говард.

Громила изобразил невинную ухмылку.

— Должок за вами, — объяснил он. — Плату просрочили. Пришел забрать две тыщи.

— Он просто взял и заявился в дом, мистер Сайкс! — с чувством сообщила Фифи. — И он...

Папа пресек Фифи, подняв руку, — похоже, он частенько проделывал такой фокус со своими студентами.

— Чепуха, милейший, — отрезал он. — Плату я внес вовремя, и никаких долгов за мной не числится.

Тогда Громила тоже поднял руку — все с той же ухмылкой. А поскольку он по-прежнему держал Катастрофу, девочка с воплем повисла в воздухе, брыкая ногами. Громила что-то сказал, но за криками Катастрофы ни слова было не разобрать. Громиле тоже пришлось закричать:

— Две недели назад не было уплочено! Арчер недоволен!

Больше Громила ничего не успел сообщить, потому что Катастрофа умудрилась вскарабкаться по собственной руке, на которой болталась,

и вцепиться зубами Громиле в костяшки. Это Громилу проняло. Он с упреком глянул на Катастрофу.

— Щас уроню! — рывкнул он, перекрывая ор Катастрофы.

— Нет, не уроните. Вы немедленно поставите девочку наземь, — сказал папа. За восемь лет он натренировался перекрывать дочкины вопли. — Вам же нужно, чтобы вас слышали?

Громила решил, что мысль здравая, и опустил Катастрофу на пол. Оказавшись на твердой поверхности, она скорчила рожу от отвращения и высунула язык.

— Он невкусный! — пожаловалась Катастрофа. — Можно, я еще покричу?

— Нет, — не позволил папа и обратился к Громиле: — Не понимаю, кого вы имеете в виду. В жизни не слышал ни о каком Арчере. Я всегда имел дело с Маунтджою.

— Маунтджоя не знаю, — отрезал Громила. — Плата капает Арчеру. Не получил. Должок.

— Но я же вам человеческим языком говорю, что отослал плату еще на той неделе. Знаю-знаю, с опозданием, но Маунтджою все равно, лишь бы вышло ровно две тысячи слов, не меньше. — Он повернулся к Фифи. — Вы-то знаете, что я послал плату? Помните тот длинный конверт, который я отдал вам на прошлой неделе и попросил опустить в почтовый ящик в Городском совете?

Говарду померещилось, будто Фифи сдавленно ахнула, но она тотчас твердым голосом сказала:

— Ах вот что это было! Да-да, вы мне его отдавали, мистер Сайкс.

— Тогда в чем дело? — осведомился папа у Громилы.

Громила сложил ручки на груди и навис над папой.

— Арчер плату не получил, — повторил он.

— Тогда подите к Маунтджою и спросите у него. — Сами. — Громилины глазки пометались по аудитории и остановились на телефоне.

— Будь по-вашему, я позвоню ему.

Папа подошел к столу и набрал номер.

Говард, вконец озадаченный всем увиденным и услышанным, понял, что папа и правда звонит в Совет, — он различил, как в телефонной трубке отозвался голос девушки на коммутаторе:

— Здравствуйте. Городской совет слушает. На какой кабинет вас переключить?

— Соедините меня с мистером Маунтджоем, пожалуйста, — попросил папа. — Добавочный шесть ноль девять.

В трубке наступила тишина, а затем оттуда отозвался звучный, сочный голос.

Папа сердито посмотрел на Громилу и сказал: — Мистер Маунтджой, это Квентин Сайкс беспокоит. Я насчет своих двух тысяч слов. Похоже, кто-то подослал ко мне наемного убийцу...

— Кого я убил? Пока никого! — запротестовал Громила.

— Помолчите, любезный, — оборвал его папа. — Мистер Маунтджой, этот субъект утверждает, будто слова не дошли. А я прекрасно помню, что, как обычно, послал их вам с неделю назад...

Звучный голос что-то зарокотал в ответ. Он рокотал и рокотал. Папа нахмурился и слушал, изнемогая от нетерпения, потом перебил:

— А кто такой Арчер?

Голос в трубке опять зарокотал.

— Благодарю вас, — отозвался папа, повесил трубку и с тяжелым вздохом повернулся к Громиле.

Тот заухмылялся еще шире:

— Не дошли словечки, а?

— Нет, — признался папа. — Судя по всему, затерялись по дороге. Но мне дают дополнительно неделю сроку, чтобы... — Он осекся, потому что Громила неторопливо покачал головой. — В чем дело?

— Арчер ждать не будет, — заявил Громила. — Хотите без электричества сидеть? Без газа? Арчер окучивает всю энергию.

— Знаю, — отрезал папа. — Уже знаю и про газ, и про электричество. Мистер Маунтджой мне только что доходчиво объяснил.

— Слова заново, — сказал Громила. — Написать, и всего делов.

— Ладно, — решительно произнес папа. — Идемте-ка все домой и побыстрее покончим с этим делом.

Они молча зашагали обратно. Громила возвышался над остальными. Говарду не терпелось спросить папу, что происходит, но никак не получалось. Едва они переступили порог, как Громила обосновался на прежнем месте, загромоздив своей персоной половину кухни, а папа поспешно удалился к себе в кабинет, и оттуда быстрыми